

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ФОТО АЛЕКСЕЙ ГУЩИН



Большой фестивальный оркестр: главное «блюдо» фестиваля — персональный проект Теодора Курентзиса

И уж совсем нелепостью выглядел непонятно как попавший в программу фестиваля концерт группы «Аукцыон», которая и новаторской-то не может быть названа, ибо демонстрировала рок-эстетику далёких уже 1980-х годов...

Словом, всевозможных казусов было немало, что, исходя из фестивального сюжета, не так уж и плохо: есть о чём поговорить, есть что поругать... Но были и вечера, которые вызвали столь же солидарное приятие и общий восторг посетивших их счастливцев.

Спектакль *Lo Real* («Реальное») испанского танцовщика и хореографа Исаэля Гальвана имел примерно такое же отношение к заявленной в аннотации истории геноцида цыган во время Второй мировой войны, как «Времена года» — к живописи Марка Ротко. Однако, в отличие от опуса Ромео Кастеллуччи, знание предыстории здесь очень помогало зрителю, который благодаря этому знанию мог «вычитать» в танцевальной лексике полунаёмки на трагические судьбы неназванных героев.

Lo Real доказывает, что искусство народного танца при условии по-настоящему новаторского подхода чрезвычайно жизнеспособно. Эстетика фламенко в спектакле очищена от декоративной шелухи (никаких юбок с оборками, цветков в волосах, кастаньет) и подчёркнуто демократична: на сцене — обычные люди, одетые в джинсы с подтяжками, майки-«алкоголички» и цветастые тряпки из секонд-хенда. Они танцуют танец трагической повседневности, в которой есть место и слегка вульгарному нацистскому кабаре, и солдатским маршам, и зловещим поездам «в никуда».

Во время исполнения *Lo Real* из зала не вышел ни один зритель, а после окончания публика долго аплодировала

ла стоя. Аплодировала в очень большой степени профессиональному мастерству, поскольку фламенко-балет — это искусство, основанное далеко не только на выдумке постановщика, как тот же перформанс Кастеллуччи, но и на потрясающей телесной пластике танцовщиков, в первую очередь — самого Исаэля Гальвана, на страстной эмоциональности, которая хлещет из каждого его движения, на удивительной технике гитаристов и певцов.

Совершенно особой страницей Дягилевского фестиваля стало присутствие на нём в качестве куратора-режиссёра пианиста и композитора Антона Батагова. Музыкант очень ответственно подошёл к своей роли: не только исполнил два сольных концерта и принял участие в традиционном *Piano-gala*, но и активно посещал другие события, доброжелательно и охотно общался с обычными зрителями и всем своим поведением, всем своим видом иллюстрировал понятие «просветлённая личность». А затем ещё и написал очень тёплый пост в фейсбуке, посвящённый фестивалю и его прекрасной публике.

Два сольных концерта Батагова были музыкальными мистериями-медитациями. Начинались они с флеш-моба «коллективное выключение мобильных телефонов», которое Теодор Курентзис, выходящий по такому случаю на сцену лично, превращал в ритуал отрещения от жизненной суеты. По словам Курентзиса, в этом случае выключение телефона означает «обретение человеком истинной свободы».

Батагов играл почти в полной темноте, в пространстве Органного зала оставался лишь холодный свет над пюпитром да очень лёгкая зеленоватая подсветка. Неудивительно, что некоторые зрители вздрогнули, что вовсе

не вызвало у Батагова неприятия: все медитируют по-своему.

Первый концерт был посвящён музыкальному минимализму от XVI до XXI века, второй — собственному фортепианному циклу Батагова «Избранные письма Сергея Рахманинова». Это был не просто минимализм, а, говоря по-пермски, минимализм-минимализм: исполнитель постарался полностью очистить мелодию от эмоций, убрал все акценты, сосредоточившись на чистом, медитативном течении музыки. При этом играет Батагов, в отличие от Мартынова, безупречно. Акустика Органного зала и качество инструмента подчёркивали его мастерство: казалось, что так изысканно пермский «Стейнвей» никогда не звучал.

Важнейшая часть фестивальной программы — авторские проекты Теодора Курентзиса. Иногда создавалось впечатление, что концерт большого фестивального хора и большого фестивального оркестра — это главное блюдо, а всё остальное — лишь гарнир.

Концерт для хора Альфреда Шнитке Курентзис обещал исполнить ещё на фестивале 2012 года, но тогда ему не удалось собрать большой хор солистов.

Строго говоря, не удалось и сейчас: пришлось просто объединить хор *MusicAeterna* с коллегами из Саратовского театра хоровой музыки. Получился по-настоящему большой и профессиональный хор, который порадовал фестивальную публику исполнением давно обещанной музыки — как никакая другая, полной красоты и духовности. Хотелось бы, чтобы исполнение было столь же безупречным, как сама музыка... Но увы, простым увеличением состава добиться нового качества хора не удалось. Иногда казалось, что *MusicAeterna* в одиночку, без поддержки саратовцев, спела бы даже лучше.

А вот фестивальный оркестр в этом году достиг истинной безупречности! Заключительный вечер фестиваля, на котором оркестр «тройного» состава под управлением Курентзиса исполнил концерт Белы Бартока и «Весну священную» Стравинского, был торжеством невероятного, какого-то нечеловеческого исполнительского качества. И если к красивым струнным пермская публика уже, в общем-то, привыкла, то таких духовых не слышала никогда. Блистательные флейты, совершенно неземной солирующий гобой... Неудивительно, что среди духовиков в этот вечер было немало иностранцев, а также солист Московского ансамбля современной музыки Иван Бушуев. Для музыки XX века, которая звучала в этот вечер, это было очень важно.

Концерт Бартока фестивальный оркестр исполнял вдумчиво и очень внятно. Курентзис, дирижировавший, как всегда, без палочки, сложил пальцы на правой руке так, словно в них была иголка, и совершал такие движения, как будто сшивал пластины воздуха. Это была очень тонкая артикуляция, и музыканты повиновались ей безупречно.

«Весна священная» радовала умело подчёркнутым звуковым разнообразием, в котором отчётливо артикулировались звуки земли, жизни, страсти, животных и растений. Чистая энергия стекала со сцены в зал, постепенно переполняя его. Неудивительно, что зрители были готовы и дальше воспринимать эту энергетическую подпитку и с благодарностью прослушали ещё и музыкальную поэму Рихарда Штрауса «Дон Жуан», по всем концертным канонам и традициям слишком длинную и непростую для исполнения «на бис», зато столь же энергетичную и страстную. ■